

К – 1277785

Духовная
культура
северного
Белозерья

какой кум-то к тибе приходил!” Вот как бываэт-то...» [КНИ, д. Глухарево; МИА 23:109об.-111].

Баенница, согласно народным представлениям, связана с родильной обрядностью. Былички не только указывают на эту связь, но и отмечают характерную внешнюю особенность баенницы — одноглазость. «Банник есть. Вот у нас, ну, в нашей деревне, значит, раньше как рожонка родит робёноцька, эту рожонку ў байну. Утопляют баню, и рожонку вот с робёноцьком ў байну. Там живет неделю, может и не неделю прожить. Там всё к ней ходят, носят еду в эту байну этой рожонке. Вот один раз, говорят, случай. Вот пришла одна — тут принесла ей чо мо(ж)от в банию. А грят, одной нельзя быть этой, которая родит — рожонка — в бане, чтобы одной нельзя. А это, которая к ней пришла, грит: “Я за водичкой схожу на реку”. Которая пришла-то к ей. А грит, ты, грит, клади ноги в крес(т). Этой рожонке грит: “Ноги в крес клади”. Нога на ногу, чтобы крес быв. Вот она ушла, вдруг глаза, грит, открываю: стоит женщина передо мной, во лбу один глаз, большу-у-швой глаз, и грит: “Женшина, скинь ногу, скинь ногу!” Это чтобы креста не было. Она бы к ей подошла, моот чо бы в ей сделалось. А раз крес положён — ей нельзя. “Я, — гит, — со мной, — гит, — худо сделалось. Из памяти меня выгчи[кнуло]”. Так потом, гэт, сразу эта и пришла женщина, которая ушла за водой-то. Вот каки, виши, случай... А кто? Тут нецистый дух быў уш. Баенница, этот, баенница: один глаз во лбу. “Світёт, один, — гит, — большой глаз. Со мной, — гит, — худо и зделалось!”» [ААИ, с. Липин Бор; ССН 9:21].

Смольников С. Н.

БЕСЕДЫ

Беседы играли очень важную роль в жизни деревенской молодежи, являясь тем местом, где происходило знакомство молодых людей и складывание потенциальных брачных пар, усвоение норм поведения и традиционного игрового, песенного, танцевального репертуара, представлений об окружающем мире и т. п. Для этой формы времяпровождения молодёжи характерно сочетание труда и развлечений.

Начало молодежных собраний в избах определялось сроками окончания полевых работ и подготовкой льна (кудели) для прядения. Первая в сезоне беседа обычно устраивалась в одно из воскресений октября или ноября, реже — приурочивалась к крупному местному празднику (Казанская — д. Мосеево; Кузьмин день — д. Филиппово; Михайлов день — д. Макино; Филипповское заговенье — дд. Весёлая, Опрычкино; Николин день — д. Новая Деревня). Нередко ее собирали и в любой будничный день, сразу по окончанию сезона полевых работ. Праздничные и будничные беседы различались по

составу развлечений и по названию: «О празниках, ковды празники — это называлиссе игришишо. Это уш игришишо дак о празник большой: “Ой, сённи, там, гли, игришишо-то какоо большоэ!”». Тут наберёщце народу много, дак пляшут русскоо, пляшут да ланцика, пляшут да — на больших игришишах. А это как вот ковды што одне свои только гуляют, дак: “Сённи биседа-та вот там у старухи-то”…» [ОУА, д. Опрычко; СИС 26:51об.].

В зависимости от количества девушек и их возраста в деревне могло быть две или три беседы. «Дак у нас, видишь, девочки были маленькие, только начинали которые ходить пряс(ть). Потом — четырнадцать-двенадцать лет, это вторая была. А третья — уж на выходе» [ЗПЕ, д. Парфеново; МИА 23:20об.]. «Вот у нас было три ровни: брат с сестрой вот старшиэ ходили на одну ровню, потом вот втораа сестра ходила ишо ровня была, а я уш ходила как на последнюю ровню, на биседы, ну» [ЗЕД, с. Ухтома; СИС 24:37об.]. «Две беседы в деревне было: на младшую ходили с тринадцати лет, на старшую — с шестнадцати» [ЯАА, д. Веселая; СИС 21:6]. Младшим, подросткам, не всегда удавалось получить в свое распоряжение избу, иногда им приходилось довольствоваться баней. Устройство варшавских посиделок в бане — несомненно архаическая черта, уже к 20-м годам нашего века отмечавшаяся только в самых глухих уголках Русского Севера.

Переход с младшей беседы на старшую происходил постепенно. Сначала маленькие только иногда забегали к старшим в качестве зрительниц, а потом и усаживались где-нибудь в уголке с работой. Определенной возрастной границы при этом не существовало, все зависело от конкретных обстоятельств. Обычно на большую беседу ходили с того возраста, «с како-ва пустят. С какова бедных пустят, дак мы посидим у больших-то у девок, старше-то нас которые намного, за плечам. Ребята найдут как чужие-то, дак мы и убегаем домой. Вот как. А у девок за спиной вот посидим, чтобы ни показаща. Хто в суконнике, хто в одной юбке, хто в чём, дак это стыдно показаща. И-и только двери шшовкали — домой! Вот, батюшко, кака(а) жисть наша была!» [ЕГП, д. Гавриловская; МИА 25:36].

Старшие, особенно парни, также могли заходить на младшую беседу, но для того, чтобы подразнить и попугать девочек. «Парни старшие придут к младшим: “Девки, мы сейчас вам тильки шшупать будем!” Те завизжат, убегут, а они щелков [=узлов] в кужели наделяют» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:63об.].

Обычно беседу проводили по очереди в каждом доме, где были девушки. «Биседы по очерёду. Вот севодня, например, у меня, а завтра у другова. Вот так вот ниделю и ходят. Там сколько там девок. Это девкам всё скоплялись, ходили» [КАД, д. Москвино; ССН 9:94об.-95].

Девушка-хозйка должна была устроить всё для приёма гостей: «Лучины нашыплю — мой вечер, дак. Только засвичаю да во свитильню кладу» [ВЕФ, д. Малая Чаготма; СИС 22:48]. Кроме того она убирала избу, приносила воду и т. п. Если же принять подруг не было возможности, то приходилось нанимать («кортомить»)

избу, в этом случае все расходы несла та, чей черёд был проводить беседу. «Из других дер(в)ён ходили, деўки-то ходили на святки гулять. Так вот и в чужиэ дерёуни, там станет она вечер отводить, цяа оцередь подошла, надо в ту дерёуню идти уш, там уш пляска. А kortомили мало, о святках так ходили больше по оцереди вот так, по оцереди. А это вот какиэ празники — вот топерь вот Михайлов день подойдёт — на Михайлов день поряжали. Раньше знаэшь там этъ хороший хозяин не пустит игришша. Што игришшо розрешит тут плясать! Бедной тожо, какиэ побидняэ, дак пирогу там возьмёт. Ну, сколько там хозяйка попросит — пирог ли два ли, дак вот пирогами отдавали» [ОУА, д. Опрычкино; СИС 26:73об.].

Иногда молодежь kortомила избу на всю зиму. Тогда обязанности распределялись следующим образом: парни обеспечивали обогрев и освещение, привозили по возу дров и покупали по очереди керосин, а девушки приносили хозяевам пироги или зерно и мыли пол, иногда также отрабатывали летом на жатве. «Беседу-то раньше выкортомили на всю зиму. От девушки, дак выкортомим на всю зиму, што определённо место. А сплясать охота — а уж не пляшут, а все прядут. А как сплясать охота, дак соберут робята деньги. Ну, как деньги робята — хозяйка сколько скажот, что сколько надо денег, ак робята соберут: “Ну, тут пляшите до утра, сколько хочите!”» [ГАВ, д. Курулёво; МИА 25:45].

Повсеместно нанимали избу на святки и другие большие праздники. В 20-30-е годы в Вашкинском районе существовал обычай устраивать на большие праздники званые вечера, по происхождению связанные с традиционными гощениями (см. «Престольные и заветные праздники»). Эти вечера также назывались «беседами», но в отличие от обычных бесед, на которые ходили по желанию, на них рассыпались приглашения. «Это как биседы, вот ковда афиши-то писали [=приглашения на беседы], так это в праздник вот так вот, ковды Егорий быв да, дивятово декабря — он в числах бывает. Так тут афиши-то все и разошлём [в другие деревни]. То нам пришлиют, так ходили» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:59].

Девушки составляли постоянное ядро беседы, парни же могли приходить и уходить — иногда за вечер они обходили все окрестные деревни. «Девки ходили только на свои беседы, а парни со всего сельсовета» [МДП, д. Логиново; СИС 21:28]. Причем в вашкинских деревнях парни, в отличие от девушек, на беседах не работали, а только развлекались: устраивали соревнования на ловкость и силу, играли в карты, заигрывали с девушками или подшучивали над ними и, наконец, плясали и пели под гармонь. «К нам всё индомана ходили. Приходят, снег шапкой обметут с валенок: “Здравствуйте, девушки! Заждались?” — “Да нисколько и не думали!” Парни на пол усядутся и тянутся на руках, или по одному, или парой» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:63]. «Робята блажили всяко. Девки-то пряли — недосуг было. Придёшь с беседы, дак чтобы пряжа принесена была! А парни играют (“шубы”-то эти “шыют” [см. «Шубу шить»]) да блажат. Ишо и, знаэшь, девчонка есь и глупая, иная есь и гулявшая с каким парнем. А какая (э)ть

и ни гуляшиша, а парень какой гуляшишой. Как муж да жона гуляли некоторые. Это с биседы укатят! Укатят, уведут, уведут...» [МАЯ, д. Мытник; МИА 25:12об.]. Конечно, коротать вечер было веселее в присутствии парней, поэтому, если они задерживались, применяли нехитрые магические приёмы — кричали в печную трубу: «Ребята, идите сюда!» — или мели мусор в передний угол [ЛАД, с. Варши; СИС 21:79].

Единственным временем, когда девушки могли посещать беседы в других деревнях, были святки и следующий за ними мясоед. Тогда они ездили «перегащиваться» по родне, т. е., пожив какое-то время у родных в одной деревне, переезжали в другую, третью, а затем возвращались домой, захватив с собой незамужних родственниц из этих семейств. Так иногда продолжалось по два месяца. Этот обычай расширял круг потенциальных женихов и невест и помогал молодёжи выбрать себе пару по душе.

Начав ходить на взрослую беседу, каждая девушка довольно быстро обзаводилась постоянным кавалером. «Это так было: и посидят там, к другой перебегут. Посидят и просто так. Там у одной посидит, потом к другой: «Надо чё-то с тобой поговорить». К другой сядет посидит. Там поговорят чово. То дак и может и к третьей перейдёт ишо. С третьей поговорит» [КЕЕ, д. Слизово; ССН 9:81об.]. Присмотревшись ко всем беседницам, парень в конце-концов останавливал свой выбор на одной, с которой затем и проводил большую часть времени.

Иногда этот обычай использовался девушками, чтобы опорочить соперницу и выставить себя в лучшем виде. «У нас соберутся — значит вот, например, у меня собирались севодни вот. Все девушки садятся вот. Частушки, песни, и длинные песни старинные пели. Потом являются ребята. Ребята приходят, значит: сначала они там помнутся у порога, а потом подберут местечко, к девчонке садятся, к которой каждый вечер садится. А иногда в шутку [девушка скажет]: «Ты севодня садись вон к той, — своему парню скажут, который к тебе садится, — посиди у той девчонки». И вот начнешь песню петь там, а той девочке стыдно будет. Я-то не хотела этого, подружка моя: «Ванюшка, иди, сядь к Маруське». Она была худенькая, черненькая такая, тоненькая. Вообще в деревне, знаете, девки были одна другой здоровей, вот. Ну, вот и она запела:

Супостаточка моя,
Да милому хвалёная,
Девяти мылами моеща,
И то зеленая!

Тут вот мне неприятно было, что она вот это затеяла» [ЛАД, с. Варши; СИС 21:74об.-75].

В некоторых деревнях еще в 20-е годы сохранялся обычай сидеть у девушек на коленях, хотя чаще уже поступали наоборот. «Парень садища к девушке, и девушку садили на колени, которая гуляэт девушка с парнём, с этим дак садили. Ну

и так — не то, что гуляэт, а там на бисиди мало места: раньше знаэш как было народу-то? Ить наберёща, дак нету места, дак там парень посадит: “Давай, садись ко мне на колини-то...” Которой как парень дак боевой, дак он обойдёт весь круг, посидит, а этъ какой смирный, дак и не к одной не подойдёт. Хоть и деўки были бойкиэ. Што деўка боевая, дак это обойдёт весь круг и с робятам посидит, а какая смирная, дак сидит в углу» [ОУА, д. Опрычкино; СИС 26:52].

Наибольшим успехом пользовались красивые и богатые девушки, хорошие рукодельницы. «Ну боле напрядёт, дак это славутница. Эта ходко предёт, да и хорошо предёт — эта славутница» [ГАВ, д. Курулёво; МИА 25:44]. Хорошая репутация во многом определялась успехами в прядении. «Никола вот девятынаццатоо этоо декабря, так вот это на Николу нао было, гоорят, чтобы из сук вышла, напресть сорок пас(м). А не напредёшь — не знай, уш видно сука будешь» [ОУА, д. Опрычкино; СИС 26:52об.].

В с. Вашки, где ощущалось городское влияние, славутницами считались дочери учителей и священнослужителей. Место около прялки у таких девушек никогда не пустовало — парни первыми приглашали их в игру и пляску, иногда не давая им передышки. «Ак чё? Вечер робята пропляшут, мы и скажом: “Робята! Дак — вот девки-то!” — “Пусть они сидят в углу-то, они не достойны плясать!” Не возьмут и всё. А другую дак ухожоную — надо сопрятатца, а што всё равно в колидоре найдут и выволокут, што: “Пошли плясать ланчика!” Одну таскают весь вечер, она рада хоть куды сопрятатца, а другие сидят так» [МАД, д. Москвино; ССН 9:105]. Это нередко мешало выполнить на беседе заданную матерью работу.

Для тех, кто «сидели так», существовали различные насмешливые прозвища. В дд. Малая Чаготма, Опрычкино о тех, кого не приглашали плясать, говорили: «Ой, сёдни пошла с седёлкой с беседы». Парню: «Ты сёдня порожняком едешь!» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:64; ОУА, д. Опрычкино; СИС 26:52]. В д. Москвино «если плясать вот не спляшешь ни разу за вецер, дак говорили, што “сидёлку не стрясла”. Не стрясла седёлки. “Севодни была на беседе — седёлоцьки не стрясла”... Говорили тожо: “Сидит углы конопатит,” — никто не провёв плясать» [ЛАД, д. Москвино; ССН 9:92об.]. В д. Ларино так говорили о скромных, «невидых» девушках: «“Весь вечер угол проконопатит!” — это уж очень смиренная» [ММВ, д. Ларино; СИС 21:58].

Умение хорошо прядь было очень важно для деревенской девушки, поэтому неудивительно, что как само прядение, так и процесс обучения этому искусству сопровождались целым рядом магических приёмов. Например, смотав в клубок первые спрятанные девочкой ниточки, бросали их в печь со словами: «Печка топись, клубочек гори!» — или ходили вокруг ступы, приговаривая: «Ступа да пест, научи меня прядь!» Это должно было помочь маленькой пряже быстрее овладеть навыками прядь «гладенько» [БАД, д. Иевлево; ССН 13:6]. Считалось, что качество нитки определяет будущую жизнь пряжи: «Отгло́го, это, прядёшь, дак отлого и будешь жить.

Ну, худо с мужем будешь жить, да и жисть пройдёт. Отлого — да и это верят худо, нитка-то она и слабая» [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 24:15об.].

Отпуская маленькую пряжу на беседу, ей в шутку могли сказать такое напутствие:

Уж ты пряха моя,
Молодая моя!
Ты сиди, сиди преди,
Головёнкой не верти.

Дедко сделал веретно
Гладкое, точёное,
Чтоб прялося и вертелось,
А Кате спать не хотелось.
[ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:61].

Или, желая ей побыстрее закончить работу, говорили: «Сколько птичушка на кольшке сидит, столько бы тебе кужелёк опрясть» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:4].

Старшим же девушкам давалось определенное задание. Его без особого напряжения могла выполнить каждая взрослая пряха. Однако проплясав и проиграв весь вечер, девушки иногда не успевали справиться с работой и прибегали к разным уловкам, чтобы избежать упрёков и наказания. Например, потихоньку брали с собой веретёна с готовой пряжей и выдавали их за новые или обматывали веретено бумагой, тряпкой, а поверх навивали несколько рядов нитей.

Накануне праздника или воскресенья прядение заменялось вышиванием или вязанием. «Вот против воскресенья никогда не пряли. Ну, вот почему-то думаешь одна работа — или вязать, или вышивать, или чёо (тоже вить работа!) — это можно, это делали, а прясть, уж с прялками никогда не ходили» [АТК, д. Макино; СИС 23:31]. Кроме того никогда не пряли и на святках (см.), руководствуясь древними представлениями о том, что все, что происходит в это время, оказывает влияние на урожай, плодовитость скота и людей. «На святках престь нельзя: жать станём, да рожь перепутаэща — нельзя жать!» [ГАВ, д. Курулёво; МИА 25:43]. «В святки не пряли, какое-то страшное время» [МАИ, д. Устье; СИС 22:36]. Отсюда и поверье: «Прялки раньше были, кужли прели. Да это нао кужель допрясть до Но(в)оо [года], а то черти поедут, так обоссат. Завтре будет солоной, до Крещенья. Да черти поедут, так обоссат кужель» [ААК, д. Естошево; СИС 26:31об.].

Кроме запретов на прядение существовали ограничения и на веселье во время постов, а также накануне воскресенья или праздника. «Вот с Филиппова-то заговенья это пройдет и ходят [на беседы], а уш плясать тут не пляшут. Тут только одне вот ходят с прялочками — придут, прядут. Кавалеры приходят, там садящца к барошням за прялочку, посидят, а плясать не плясали до Рождества. Это было грех видно. А ить песни пели — песни да пели. Ну ить поиграть-то тоже разрешали, ну это моды у нас не было» [ОУА, д. Опрычкино; СИС 26:72об.]. «Тоже говорили, что грех плясать против праздника и против воскресенья. Против воскресенья тоже не бывало у нас. Было несколько гармошек в деревне: придут с гармоньей, когда

без гармони, так поиграют, посмиюцца, а плясать не плясали! Если вот какую нибудь там песенку споют» [АТК, д. Макино; СИС 23:31].

На будничных беседах развлечения занимали немного времени и зачастую были связаны с самой работой (см. «Подщучивания и розыгрыши»). Инициаторами забав выступали парни, которым хотелось отвлечь девушек от работы и обратить их внимание на себя, поэтому эти забавы носили характер зажигания и ухаживания, нередко в виде различных способов порчи девичьей работы. Наиболее распространеными были разнообразные манипуляции с куделью (ее мочили или поджигали, сыпали в неё сажу, соль или перец, и завязывали в ней узлы — «щелчки», «щелканы», скручивали её в толстые нитки и т. п.). «Как спичечку чирнут, да кужель и загорелся. Загорица, забегаим, гасить-то все холеры станут. Ой, у нас вить хорошо было то(г)да!» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:59]. «А зажгут кужель да и горит. Чтобы не пряла. Там веть быв — это быв раньше и дружок, да от сядёт рядом да штоб (в)ить говори с йим! А ить mine наа прясть, да некогда разговари(в)ать. Так возмёт и зажгёт кужель. Тут уж забегаёшь: тушишь» [ЖВН, д. Ваномозеро; МИА 23:83]. «Ну это в редкость бывало, чтобы кужель-то поджигали, но бывали случаи... Блажество, бывало, начнут, что: “Хватит тебе прясть, напряла много”, — начнут убирать. Ну, потом худово-то (в)сё равно ничево плохо не было» [АТК, д. Макино; СИС 23:30об.].

Поджигание кудели могло служить наказанием для девушки, чем-либо рассердившей парней. «Уйди с беседы, даc схватят кужель да. Схватят у девки, которую девку не любят они — там назлит чово-нибудь, выругает ёво, чо-нибудь эдакое скажет. Ак он, девка пойдет домой с беседы, он кужоль оберёт да зажгёт» [ККС, с. Липин Бор; ССН 9:14]. «Кужель у прявки прядёшь, кужель прядёшь. А ежли ты ещё ничево, даc у тебя не зажгут, а вот ежли над этой смеюцца, да этой цыркнут спицкой и сожгут. Она рёвом и заревит. Чёо ли бросят, да платком завернут, да и затухнет» [МАД, д. Москвино; ССН 9:105].

В некоторых деревнях (Тимофеева Гора, Панино, Курулёво) поджигание кудели символизировало смерть (сожжение) свекровки. «Если кужёк маленький, подожгут: “У тебя свекровка померла!” — И сразу захлопают, потушат» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:1]. «Вот допрядаэт там небольшой кужёк какая тамо-то душка, даc подойдут, луценку подожгут, да подожгут кужель, гоорят: “Свекровка у тебя умерла! Свекровка умираэт!” Ну, даc видно было, не нао было свекровок-то. Теперь:

Слава тебе, Господи,
Свекровка умерла!
Все мутовоцьки, квашеноцьки
Мне передала!»
[ОУА, д. Опрычкино; СИС 26:53об.].

«Охлопочек на сошкé у печки парни сожгут, девки ругаются: “Свекровь-ку наперёд жгите, потом свёкра, а нет и сами загоритесь”. — “Как я у матки буду жечь?” — “А с нас матки пряжу спрашивают!”» [МФФ, д. Тимофеева Гора; СИС 22:23]. «“Свекровка горит — чё сидишь-то, предёшь-то?” — [скажет парень]. В кужлю спичку поднесут, а (и) кужель запылаэт. Ну уш тут-то уш потом запретили» [ГАВ, д. Курулёво; МИА 25:44].

Реже этот тип подщучивания связывался с другой символикой, более характерной для центральных и восточных районов Вологодской области. «В кужель ткнут луцёну да, чтобы кужель загоревси. Только кужель подожгут: “От сеяся вот Макарка мы у тебя сделаем!” Подожгут кужель да и всё» [ОУА, д. Опрычкино; СИС 26:53об.].

Иногда забаву со сжиганием кудели устраивали с согласия всех участниц по-сиделок. Парни собирали по маленькому клочку кудели и поджигали её в самоварной трубе. «А вот само(в)арная труба была, (дак навыют эдак кудель, туды напехают — опускали в трубу. У той, да у другой, да у всех. Много это — по двадцать пять штук собираюсе в одном месте! Ак хто чё может спатрашиш. И трубу берут, и вот туда: там загуди-ит, загудит! И интересно ведь: куделя, ак она это дыму-то немного, от ей никакоо почти нету, а токо шчо звук такой интересный. Там вовнутрь, зажгут — и он в руках дёржит за ручку, а там гудит уже!» [БДП, д. Мытчиково; МИА 24:Ф1994-9Волог. Оп. № 79].

Сожжение кудели могло использоваться и при гаданиях. «Мы уш большиэ были, с прявкам сидели на биседе-то, дак было шали это. Большиэ кавалеры эти поджигали, да — “кружки” делали. Вот закатают кудели, вынут да. Шарик этот и зажгут. Да ишо приметы делали, што весь сгорит ли нет? Это как: “Куды это дым пойдёт?” Куды, в какую деревню — дак туды невеста бу(д)эт» [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 24:16]. В д. Мосеево скатывали два клубочка, один — парню, другой — девушке, и поджигали. Чей клубочек раньше сгорал, тот должен был первым жениться или выйти замуж [ЛМФ, д. Мосеево; СИС 21:10].

Так же часто использовали и такой способ порчи кудели, как завязывание в ней узлов. Символика этого действия становится понятной при сопоставлении с теми смыслами, которые придавались узлу в народной культуре. Узел — это оберег от нечистой силы и прием в любовной магии. «Баловались тожо веть ребята-то. Уйдешь там, например (с парнём ведь уходили некоторые сидеть там, (в)эти гуляли, как же, некоторые любили); ак уйдут, дак нашибовкают ребята шишовчиков этой девке, ак и не роспрясть потом и бороды — придёще сколько кудели вытаскать!» При этом, чтобы сделать «шишовчок», делали на нитке петлю «в удавку». «Кудело захватит там, вытащшыт немного, туда кудело сунет и тянет [чтобы затянуть узел]: “Шишовчики, шишовчиков нашибовкали!” — Насыплют и золы, и всяко, и сажи [в кудель]. Котору девку вот, например, не любит, дак наделают, дак!... Просто это так, для смеху!» [БДП, д. Мытчиково; МИА

24:Ф1994-9 Волог. Оп. № 78]. «А это тоже было. Шшолконы-то завернут да, петлю завернут из нитки. И от күжли выдернут [прядку] и туды зашурнут. Вот и всю бороду эту, с какой предёшь, усю на шшолканы складут. А ё потом пока не выдираешь этой бороды, тут всё со льнём, дак ни запристь будёт. Это было, ну не со всем(и) было, а такие девки были» [МАД, д. Москвино; ССН 9:105]. «Затянут нитку, там на куделе задёрнут — придёшь и прясть нельзя! Весь кужель зашшыплют. Хто убежит или оставит прявку — и наделают... Навредить, ну, чтобы она больше не пряла» [КАА, д. Трифоново; МИА 24:Ф1994-11 Волог. Оп. № 61].

Подобным образом делали в кудели и «соски» — вытягивали из «бороды» несколько прядей и скручивали их в короткие толстые жгуты наподобие кроверых сосков, которые обильно смачивали водой. «Глупёли! Намочат, да там это навертят, да навяжут этих — «соски». Это в кудель, элакие «соски» во-дяныэ. Сколько тут выдеръгаэшь этих «соксов-то»! Матка спросит: «Куды кужель-то девала? А?»» [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 24:17].

Оброненное девушкой веретено часто становилось предметом шуточного спора или борьбы с парнем. Обычно получить веретено обратно можно было поцеловав парня, поэтому те пускались на разные уловки, чтобы его заполучить. Чаще всего с этой целью делали «ло(в)ушку» — маленький крестик из двух луchinok (4-5 см) или такой же длины палочку, которые привязывали на нитку. «Сделан вот такой вот крестик на нитке, и вот бросят тебе на нитку, нитка сорвёща, и веретно у ево окажешца, ты и останешься так. Крестик ло(в)ушкой называли» [ВЕФ, д. Малая Чаготма; СИС 22:48]. «Ловили веретёна [парни]. Крестиком связьюшь — на нитку — две лучинки (в)от такие. Чуть побольше [чем спичка] — вот такие. И ло(в)ишь. Вот закидываешь — она, нитка, привязана на этот крестик. И вот ко(г)да нитку оттянет [из кудели] она, девушка-то, значит — ловишь нитку и дергаешь на сибя. Если веретно вырвёшь, зна(чи)ть, на(д)а целовашца. [Целовались] при всех: там в шшоку или как» [БНС, д. Пиньшино; МИА 23:33-33об.].

«Вот в мой возраст, вот ребят много у нас дома было, в Никонове, уй! У нас ребят не знай сколько было! Придут дак на беседы, дак это мы ишо не пускаэм, с прялкам придём, с прялкам. Дак они просяща: “Деўки, пустите, деўки, пустите! Я дак сахару кусок принёс! А я гороху корман принёс!” — Заведут там присказывать всякие присказки, токо штобы пустили. А потом уж мы их и пустим, так это сидим, придём. Дак у каждой прялки сидят и сделано: такая нитка и палка привязана, и имает веретно, имает это веретно у деўки, отхватываэт вот это от күжля, от бородки. А потом надо выкупить. “Давай, — говорит, — выкуп!” Я говорю: “А чё тебе выкуп надо?” Так иной ишо запросит, скажет: “Ну-ко, давай-ко, деушка, поцелуй! — говорит. — А нет, дак давай рядом посидим, дак!” Ведь это смех, прямо смех!» [ВВП, д. Никоново; СИС 23:43].

Впрочем, кавалеры не всегда обременяли себя изготовлением «ловушки». Соскучившись ждать, когда веретено упадет само, они выдергивали его

из руки девушки и требовали выкупа. «Ты прядёшь, а у тя выдернут да оберут, а ты у нево молишься Богу... Смиоюща, чтобы не пряли, да што(б) плясать шли. Раньше вот это кадрель ходили да вот всяко ходили» [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 24:16]. «А вот прядёшь, прядёшь, нитку-то оттягиваш у прявки-то — кужель привязано тут у прявки-то — ак они и уберут. Сидят, сидят, да вздумают, да подошёл вырвав веретёшко дак понёс. Выкупить на(д)а веретно, вот, выкупят, и поцолующа» [ККС, с. Липин Бор; ССН 9:14].

Отношение к поцелуям при этом могло быть очень различным, от полного отрицания («Убей беда целовать парня!» — ЕЕЛ, д. Большая Чаготма; СИС 22:27об.), до полной лояльности и снисходительности, хотя целоваться с малознакомыми избегали. «Парни ёдили девок: “Давай девок ёдить!” Крючком на нитке веретена из рук выдергивали. Выкупи — поцелуй. “В щёку давай!” — если парень мало знаком. Если парень с девушкой мало сидит, она его не будет целовать» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:63об.].

Как и во всех молодежных развлечениях, здесь большую роль играли личные симпатии и антипатии. В 30-е годы принятые при такого рода заигрывании нормы поведения уже нередко нарушались: девушка могла отказаться от поцелуя, иногда даже в грубой форме. «Вот она прядёт, а он возьмёт у ёй выхватит да. Скажот, што выкупи. Иная выкупит, а другая говорит: “Насеру! Не хочу выкупать. Хоть не отдай веретёшко, дак не нужно!” Подёржит веретёшко да как обратно пехнёт» [КЕЕ, д. Слизово; ССН 9:81об.].

Готовую пряжу, если парням попадало в руки веретено, оставленное без присмотра, они часто использовали, чтобы отомстить изменнице или наказать ту, которая отказывалась гулять с парнем. С этой целью пряжу спутывали или, напротив, разматывали и развешивали по деревьям и заборам. Разматывание пряжи могло расцениваться и как шутка, хотя и довольно суровая, так как нитки при этом запутывались, рвались, и девушка должна была дома выслушивать от матери попреки. «Утащат это, веретно, да там размотают. Размотают где-нибудь — на огород размотают. Да вот если тут вот ес(т)ь огород на этой стороне — и на другой, через дорогу ес(т)ь — вот и замотают это место всё. Побежишь и запутаэшес» [ЖВН, д. Ваномозеро; МИА 23:33об.]. В д. Паршино, Таращево эту шутку называли «телефон проводить». «Ребята эту, нитки размотают посреди улицы. И по деревне роста́ск(и)вали — “телефон” такой делали. Нитки размотают — и это уш “телефон” у них» [БЗМ, д. Таращево; МИА 25:78]. При этом начинали «вести телефон» от дома, где проходила беседа, через всю деревню к избе хозяйки украденного простия. «Телефоны надельывали: разматывали кубышку, простень во всю деревню. До твоей квартиры и проведут телефон — на огород, на угол повешают. Это какой по злобе, если не гуля(э)т. И вообще для шуток» [ПЕИ, д. Паршино; МИА 15:53]. В других местах (д. Москвино) эту шутку ассоциировали с протянутыми проводами — «струнами».

Пряжу мотали на огороды, а вот это напряли да, оберут это вот — на верётна там прядут пряжу-то. Да унесут из-за прядки, вон какой простень да большой да напряден ниток! Выйдут да всю деревню скобкам и замотают. У меня привяжут и к тебе проведут. Это струны проводили. Да вот на проводили струны-то. Их всех и замотали» [МАД, д. Москвино; ССН 9:105].

Слепцова И. С.

БЛИНЫ ПЕКЧИ

Одна из самых распространенных сценок ряженых в Вашкинском районе. Ее первоначальная символика связана с обрядами поминовения умерших, которые часто приурочиваются к Рождеству и святым (ср., например, «заклиkanие Мороза» или обыкновение «греть родителей» в Центральной и Южной России).

В Вашкинском районе еще уцелели пародийно-шуточные формы этого обряда, близкие к магическим действиям в Рождественский сочельник с подбрасыванием зерна или каши и стимулирующие плодородие скота, здоровье и благополучие членов семьи. Скажем, в Троицком сельсовете «на биседы придут “блины печи”. Пеплю накладут, воды нальют (в ведре намешают воды да пеплю), где биседа, тут и в потолок! “Печи блины” будут, да зола эта в потолок. Оне такой поварёночкой: “Блины пекём! Блины пекём — а сами в потолок. Всё обрыжжут! А на второй день идут этот дом мыть, где биседа. Да» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:61; БАД, д. Иевлево; ССН 13:12].

В большинстве же случаев этот обычай уже превратился в форму подщечивания над девушками, выступающую порой как разновидность святочного озорства парней. Основной смысл этих сценок в том, чтобы «девок измарать». «Такую шайку принесут, шайку, там чё накладут, там всякой сажи, ско(в)ороду. Вот один нальёт, а другой — как подшолниёт вот эту ско(в)ороду снизу, палкой, да, на людей это всё. “Блины пекёт, — говорили, — испёкся блин!” Вот как скажут, другой, этот шшелнёт и выльёт, на ко(в)о попадёт. Всё по сторонам, попадёт на девок. У иных платьища хорошие обольёт. Да уж о святах, пожалуй, и гонобилисе тако хорошое одевать» [ЛАФ, д. Панино, СИС 23:3]. «Пеплу намутят, да вот этой поварёнкой “блины” и пекут, и выливают. Да еще подшибут под это место [быть снизу по руке], да и “блины” полетели кверьху. А девки рёвом заревят, все в хороших платьях. А робята заругающа, што девок всех привозили [=измарали] в саже да в пеплу» [МАД, д. Москвино; ССН 9:97об.]. «Собираласе беседа — народу тыщ-тыщу, в крестьянской избе. Приходят “кудеса” называлисе, “с блинам”... Наведёно жидко глиняно раствору — и начи-